

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НОВОЕ (ГЕО)ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: РОЛЬ И МЕСТО ГОСУДАРСТВ

Кабанов Ю.А.

Информационное пространство (ИП) как объект исследования представляет интерес как для геополитики, так и для международных отношений. Вследствие этого появляются представления об информационной геополитике¹, об информационной парадигме геополитики, согласно которой «судьба пространственных отношений... определяется прежде всего информационным превосходством в виртуальном пространстве»². В науке о международных отношениях ИП рассматривается как «новое политическое пространство»³, как общее или «неразделенное» пространство⁴. Относительная новизна и виртуальность ИП порождают дискуссии как о его природе, так и о месте и роли государств как акторов ИП.

Единого понимания ИП по-прежнему нет. Среди его определений можно выделить: синергетическое (откры-

тая самоорганизующаяся система)⁵, технологическое (информационная инфраструктура)⁶, социальное (сфера информационных отношений)⁷ и др. Сложность определения связана с динамичной, социотехнической⁸ природой ИП.

Социотехническая природа обуславливает условное разделение ИП на информационно-психологическую и техническую компоненты⁹, а также на «традиционное» ИП («бумажные» и телевизионные СМИ), и киберпространство (cyberspace — Интернет, другие глобальные сети). На наш взгляд, именно киберпространство становится центральным сегментом ИП, куда переходят все больше СМИ, концентрируются глобальные потоки экономических и политических транзакций, социальных взаимодействий. Поэтому под ИП в данной работе мы будем понимать прежде всего киберпространство.

¹ Нурышев Г.Н. Информационная геополитика: теоретико-методологические вопросы // Геополитика и безопасность. 2010. № 3 (11). С. 37–38 ; Быков А. Информационная сущность геополитики // Космополис. 2008. № 3 (22). С. 26.

² Василенко И.А. Геополитика в информационном обществе: новые виртуальные стратегии в борьбе за пространство // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 6. С. 7.

³ Международные отношения в «новых политических пространствах» / под ред. А.А. Богатурова. М., 2011. С. 169–191.

⁴ Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке : учебник / под ред. Т.А. Шаплеиной, А.А. Байкова. М., 2013. С. 389.

⁵ Кириленко В.И. Информационное пространство как категория геополитики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 121.

⁶ Международные отношения в «новых политических пространствах». С. 169.

⁷ Быков А. Указ. соч. С. 26.

⁸ Socio-Technical Theory. URL: <http://www.istheory.yorku.ca/sociotechnicaltheory.htm> (дата обращения: 12.04.2013).

⁹ См.: Гриняев С.Н. Поле битвы — киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М., 2004 ; Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003 и др.

ИП виртуально и довольно трудно сопоставимо с более конкретным, физическим понятием «территория»¹⁰, что порождает актуальные для геополитики споры о значении географии и принципа территориальности, о связи виртуального и физического пространств.

С одной стороны, ИП мыслится как качественно новый феномен, к которому малоприменимы старые категории. Так, Дж. О'Тоал указывает на возникновение «третьей природы» геополитики: замену территориальности телеметричностью, государств — сетями. Пространство становится кибернетическим, а ландшафт — информационным¹¹. По С. Шпигелю, для высокотехнологичных «государств XXI века» физическая территория и география перестают играть существенную роль¹². М. Грэхем вообще предлагает отказаться от метафоры пространства как от не имеющей никакой связи с реальной сетевой архитектурой Интернета¹³. С отсутствием в ИП границ и территории согласны и некоторые отечественные исследователи¹⁴.

Подобная точка зрения оспаривается прежде всего географами (С. Брунн¹⁵,

М. Зук, М. Додж, Р. Китчин¹⁶). Так, М. Зук полагает, что Интернет не означает конца географии, а становится стимулом для развития «новых географий» взаимодействия людей и территорий в техническом, социальном, политическом, культурном, экономическом и других измерениях¹⁷.

Характер географии действительно меняется, но она по-прежнему важна для развития ИП, визуализации и понимания его взаимосвязи с реальным пространством. Во-первых, и инфраструктура, и акторы ИП обладают конкретным географическим положением. Во-вторых, вследствие «цифрового разрыва», по земному шару ИП распределено неравномерно. Наблюдается и обратная зависимость. Примеры «Twitter-революций» в Африке и на Ближнем Востоке, деятельность «Wikileaks» и т.п. демонстрируют все большее влияние ИП на реальное пространство. Представляется, что по мере расширения, эволюции, роста числа акторов ИП взаимосвязь двух пространств будет увеличиваться.

С проблемой неопределенности ИП связана дискуссия о роли и месте в нем государств. С одной стороны, «эрозия» суверенитета и «размывание» границ в реальном пространстве вследствие глобализации, интеграции и роста новых акторов, с другой стороны, кажущаяся безграничность и свобода киберпространства породили сомнения как в существовании государств как акторов ИП, так и в судьбе государственных границ, территории и суверенитета. Так,

¹⁰ Международные отношения в «новых политических пространствах». С. 44.

¹¹ О'Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. № 1. С. 208, 211.

¹² Spiegel S. Traditional space vs. Cyberspace: the changing role of geography in current international politics // *Geopolitics*. 2000. Vol. 5. № 3. P. 115–116, 121.

¹³ Graham M. Cyberspace. URL: <http://www.zerogeography.net/2011/11/cyberspace.html> (дата обращения: 12.10.2013).

¹⁴ Манойло А.В. Указ. соч. С. 73; Кириленко В.И. Указ. соч. С. 121.

¹⁵ Brunn S. Towards an understanding of the geopolitics of cyberspace: learning, re-learning and un-learning // *Geopolitics*. 2000. Vol. 5. № 3. P. 144–149.

¹⁶ Dodge M., Kitchin R. *Mapping cyberspace*. London — New York, 2001.

¹⁷ Zook M. The geographies of the Internet // *Annual Review of Information Science and Technology*. 2006. Vol. 40. Issue 1. P. 52–64.

еще в 1996 г. Дж. Барлоу в «Декларации независимости киберпространства» заявлял, что киберпространство находится вне суверенитета и границ любого государства¹⁸.

Однако все больше исследователей указывают на важную, если не определяющую роль государств в ИП. Как указывал М. Кастельс, в условиях «сетевого общества» и его «созидательного хаоса» именно правительства ответственны за регулирование информационных потоков¹⁹. Не исчезает из научного дискурса и концепт суверенитета, как «информационный»,²⁰ «сетевой»,²¹ «цифровой» суверенитет — «высшая власть установления порядка информационной коммуникации внутри государства, равное и независимое право государств создавать, передавать и использовать информацию без вмешательства извне»²². По мнению В. Гонга, данный тип суверенитета изменчив и отличается относительностью, открытостью, прогрессивностью и прагматизмом взамен абсолютного, закрытого, оборонительного и риторического характера классического суверенитета²³.

В действительности подтверждается, скорее, вторая точка зрения. Несмотря на то что в ИП негосударственные акторы (от СМИ до индивидов) вполне успешно конкурируют с государствами,

последние все активнее осваивают ИП как акторы и его главные регуляторы.

Многие страны пытаются связать физическое и виртуальное пространства, активно используя категории суверенитета и территории, хотя их подходы могут отличаться. Так, в КНДР доступ в Интернет крайне ограничен и включает лишь «одобренные» сайты, а инфраструктура поддерживается северокорейским программным обеспечением²⁴. Политика КНР, известная как «Великая Китайская Интернет-стена» (Great China Firewall), сочетает в себе массовое распространение Интернета с одновременной жесткой цензурой и блокированием доступа к сайтам²⁵. Российский вариант «цифрового суверенитета» включает противодействие иностранным спецслужбам, защиту информации и создание отечественного программного обеспечения²⁶. При этом РФ активно продвигает государство-центричный подход как принцип создания новых международно-правовых норм в рамках ООН, ШОС и БРИКС²⁷. Здесь показате-

²⁴ Северная Корея: Интернет в самой закрытой в мире стране. URL: <http://www.bfm.ru/news/202019?doctype=article> (дата обращения: 12.10.2013).

²⁵ См. подробнее: Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т. 19. С. 169–184.

²⁶ Железняк — о путях обеспечения цифрового суверенитета России. URL: <http://er.ru/news/2013/6/19/zheleznyak-o-putyah-obespecheniya-cifrovogo-suvereniteta-rossii/> (дата обращения: 12.10.2013).

²⁷ Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. М., 2010. С. 131; Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС. г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14.04.2011. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A> (дата обращения: 16.03.2013); Заявление глав государств — членов ШОС по международной информационной безопасности. Шанхай,

¹⁸ Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html> (дата обращения: 12.10.2013).

¹⁹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 134–135.

²⁰ Gong W. Information Sovereignty Reviewed // Intercultural Communication Studies. 2005. № 1.

²¹ Шарифов М.Ш. Суверенная власть в киберпространстве и в сетевом пространстве // Современное право. 2009. № 6. С. 44.

²² Gong W. Op. cit. P. 11.

²³ Ibid. P. 15.

лен пример российского проекта Конвенции о международной информационной безопасности, в которой говорится о суверенном равенстве государств в ИП, при этом суверенитет распространяется «на информационную инфраструктуру, расположенную на территории государства-участника или иным образом находящуюся под его юрисдикцией»²⁸.

В США и Европе отношение к суверенитету может иллюстрировать «Таллинское руководство по применению международного права к кибервойнам». В нем указывается, что существующее международное право, основанное на территориальности, применимо и к киберпространству, следовательно, государство обладает суверенитетом и юрисдикцией над инфраструктурой, расположенной на его территории²⁹. Однако далее следуют отличия от подходов, описанных нами выше. Во-первых, на Западе не считают необходимым создание новых международно-правовых режимов, так как ИП поддается регулированию и в рамках традиционных норм³⁰. Во-вторых, суверенитет рассматривается применительно лишь к инфраструктуре, поскольку нарушением суверенитета можно считать деятельность, не влекущую причинение физического ущерба (т.е. информационно-психологическую, шпионаж и т.п.)³¹.

15.06.2006. URL: <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=107> (дата обращения: 14.03.2013).

²⁸ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2728_1.pdf (дата обращения: 12.10.2013).

²⁹ Tallinn manual on the international law applicable to cyber warfare / ed. M.S. Schmitt New York, 2013. P. 25, 71.

³⁰ Черненко Е. Виртуальный фронт // Коммерсантъ Власть. 2013. № 20 (1025). С. 14.

³¹ Tallinn manual... P. 25.

В-третьих, суверенитет воспринимается не как «огораживание» или полный контроль государства, а скорее как принцип определения юрисдикции и международной ответственности. Это соответствует принятому в США и ЕС «многостороннему подходу» (multi-stakeholder approach)³², положениям об открытости, свободе ИП³³ как пространстве, управляемом «множеством людей и заинтересованных сторон»³⁴.

Разница в подходах может объясняться различными факторами: политическими, технологическими, экономическими. С этой точки зрения жесткий характер суверенитета будет характерен, скорее, для закрытых, авторитарных, «государств XIX и XX века» (в терминах С. Шпигеля), чья технологическая инфраструктура либо недостаточно развита, либо находится под контролем государства. Наоборот, для демократических, открытых и высокотехнологичных стран с развитым негосударственным сектором вопрос суверенитета в ИП не ставится, да и государственный кон-

³² A strategy for a Secure Information Society — Dialogue, partnership and empowerment. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European economic and social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2006. URL: http://ec.europa.eu/information_society/doc/com2006251.pdf (дата обращения: 3.02.2013). P. 7–9.

³³ United States of America International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. May 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.10.2013). P. 5–7 ; Digital Agenda for Europe. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/our-goals/international> (дата обращения: 12.10.2013).

³⁴ Демидов О. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т. 19. С. 136.

троль в полной мере в них едва ли осуществим.

Так или иначе концепт «суверенитет» важен для понимания других важнейших и взаимосвязанных трендов — милитаризации и секьюритизации ИП. Так, И. Панарин определяет геополитическое информационное противоборство как систему мер, «проводимых одним государством с целью нарушения информационной безопасности другого государства, при одновременной защите от аналогичных действий со стороны противостоящего государства»³⁵. Модель кибервоенного потенциала Р. Кларка также включает «защиту» и «нападение», потенциал которых во многом определяется «независимостью», которая отчасти соответствует понятию «информационный суверенитет». Кларк указывает на парадокс: чем менее развито ИП страны, тем больше ее независимость и устойчивость к угрозам³⁶. Однако очевидно, что информационное превосходство государства прямо пропорционально его включенности в информационные процессы. Данная дилемма заставляет государства искать оптимальные и сбалансированные варианты своего «цифрового суверенитета», силы и безопасности.

Стоит отметить, что война в ИП перестает рассматриваться лишь в терминах «информационно-психологической войны» или «мягкой силы», как «оружие массовых разрушений» (weapons of mass disruption)³⁷. Современные кибервойны могут приводить к серьезным послед-

ствиям в реальности³⁸, что доказывает усиление взаимосвязи ИП и физического пространства и объясняет повышенное внимание со стороны государств.

Акторство государств выражается не только в переделе пространства, но в сотрудничестве. Несмотря на различия подходов, идет формирование режимов международной информационной безопасности в рамках ООН, Совета Европы³⁹ и других организаций, «дипломатизация» глобального управления Интернетом⁴⁰. Набирает обороты «цифровая дипломатия» — использование новых технологий для решения дипломатических задач⁴¹. «Дипломаты» в ИП начинают играть не меньшую роль, чем «солдаты».

Таким образом, ИП как новое (гео) политическое пространство оказывает все большее влияние на мировые процессы. Несмотря на особую природу ИП, его связь с физическим пространством усиливается, при этом государства все активнее позиционируют себя как ведущие акторы ИП. Хотя подходы отличаются, в целом ИП воспринимается в

³⁸ Кларк Р., Нейк Р. Указ. соч. С. 136.

³⁹ См. подробнее: Maurer T. Cyber norm emergence at the United Nations. 2011. URL: <http://www.un.org/en/ecosoc/cybersecurity/maurer-cyber-norm-dp-2011-11.pdf> (дата обращения: 14.02.2013); Tikik. E. Developments in the field of information and telecommunication in the context of international security: Work of the UN First Committee 1998–2012. 2012. URL: <http://ict4peace.org/wp-content/uploads/2012/08/Eneken-GGE-2012-Brief.pdf> (дата обращения: 3.02.2013); Vatis M.A. The Council of Europe Convention on Cybercrime. URL: <http://cs.brown.edu/courses/csci1950-p/sources/lec16/Vatis.pdf> (дата обращения: 15.02.2013).

⁴⁰ Курбалия И. Управление Интернетом. М., 2010. С. 166.

⁴¹ Пермякова А. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты. 2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=862#top (дата обращения: 10.10.2013).

³⁵ Панарин И. Информационная война и геополитика. М., 2006. С. 173.

³⁶ Кларк Р., Нейк Р. Третья мировая война: какой она будет? СПб., 2011. С. 182

³⁷ Гриняев С.Н. Указ. соч. С. 97.

традиционных категориях суверенитета, границ и территории. Государства выступают катализаторами взаимосвязанных процессов милитаризации, секьюритизации и дипломатизации ИП, характерных и для других пространств.

Усиление данных тенденций и включение большего числа стран приводит к новым формам сотрудничества и конфликтов, что нуждается в пристальном внимании и анализе со стороны научного сообщества.

Информационное пространство как новое (гео)политическое пространство: роль и место государств

Кабанов Юрий Андреевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, отделение прикладной политологии, студент
E-mail: kabanov_igud@mail.ru

***Аннотация.** Информационное пространство как новое (гео)политическое пространство оказывает все большее влияние на мировые процессы. Несмотря на особую природу информационного пространства, его связь с физическим пространством усиливается, при этом государства все активнее позиционируют себя как ведущие акторы информационного пространства. Хотя подходы отличаются, в целом информационное пространство воспринимается в традиционных категориях суверенитета, границ и территории. Государства выступают катализаторами взаимосвязанных процессов милитаризации, секьюритизации и дипломатизации информационного пространства, характерных и для других пространств. Усиление данных тенденций и включение большего числа стран приводит к новым формам сотрудничества и конфликтов, что нуждается в пристальном внимании и анализе со стороны научного сообщества.*

***Ключевые слова:** информационное пространство, киберпространство, геополитика, суверенитет, актор, государство.*

Information Space as a New (Geo)Political Space: The States' Role and Place

Kabanov Yury Andreevich, National Research University "Higher School of Economics" in St. Petersburg, Department of Applied Political Science, Student
E-mail: kabanov_igud@mail.ru

***Abstract.** Information space as a new (geo)political space exerts an increasingly higher influence on the global processes. Despite its specific nature, its connection with physical space is growing, furthermore, the states describe themselves as leading actors of information space more actively. Although the approaches differ from one another, information space is being generally perceived in the traditional categories of sovereignty, borders and territory. The states serve as accelerators of interrelated processes of militarization, securitization and diplomatization of information space, which are typical for other spaces. Strengthening such tendencies and including a greater number of countries lead to new forms of cooperation and conflicts.*

***Key words:** information space, cyberspace, geopolitics, sovereignty, actor, state.*